



Евгений Захаров
Светлана Берд

ЛЕТОПИСЬ
КЕНСИНГТОНА:
ФРЕДДИ
И ОСТАЛЬНЫЕ

Часть 2

**Светлана Берд
Евгений Захаров
Летопись Кенсингтона:
Фредди и остальные. Часть 2**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39438945

ISBN 9785449383068

Аннотация

Фарс-фанфик-байопик «Фредди и остальные» представляет собой пародийную биографию Фредди Меркури и его коллег по группе «Куин». Все события в книге следуют четкой хронологии и опираются на документальные факты. История записи альбомов и создания хитов, съемки видеоклипов и поездки на гастроли, личная жизнь музыкантов и особенности их быта – в книге не упущено ни одной мелочи. Изложено все с огромной долей такта и уважения, так, что даже самые ревностные поклонники не будут обижены или оскорблены.

Содержание

ЛЕТОПИСЬ КЕНСИНГТОНА: ФРЕДДИ И ОСТАЛЬНЫЕ	6
КРАТКАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ ГРУППЫ «QUEEN» В КАРТИНКАХ – ЧАСТЬ ВТОРАЯ —	6 7
«ШОУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!»	7
/ – картинка №1 – / ИСТОРИЯ, или ПРЕДЫСТОРИЯ /	8
/ – картинка №2 – / ХОКБИЛ, или СПАСИТЕ!!! /	16
/ – картинка №3 – / СКЛАД, или СНОВА В МЮНХЕНЕ /	22
/ – картинка №4 – / РОГАЧ, или НЕ УПАВШИЙ В ПЫЛЬ /	26
/ – картинка №5 – / КАК ПОД ПРЕССОМ, или ПРИВЕТ ДАРРЕЛЛУ /	33
/ – картинка №6 – / МНИМЫЙ БУКА, или ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ /	39
/ – картинка №7 – / ЭДИОТ, ЭДДИ или ЭЛТОН? /	45
/ – картинка №8 – / ФОТО ТАК ФОТО, или КРАСИТЬ ЗАЧЕМ? /	54
/ – картинка №9 – / ГОРЕПЛАВАТЕЛИ, или	56

МАШИНЕРИЯ /	
/ – картинка №10 – / ПЕРВЫЙ БЛИН, или КОМОЧЕК /	59
/ – картинка №11 – / ПЛЕШЬ, или ПИТЬ НАДО КАК МОЖНО МЕНЬШЕ! /	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Летопись Кенсингтона: Фредди и остальные Часть 2

**Евгений Захаров
Светлана Берд**

© Евгений Захаров, 2018

© Светлана Берд, 2018

ISBN 978-5-4493-8306-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-8240-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ЛЕТОПИСЬ КЕНСИНГТОНА:
ФРЕДДИ И ОСТАЛЬНЫЕ**

**КРАТКАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ
ИСТОРИЯ ГРУППЫ
«QUEEN» В КАРТИНКАХ**

– ЧАСТЬ ВТОРАЯ –

«ШОУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!»

/ – картинка №1 – / ИСТОРИЯ, или ПРЕДЫСТОРИЯ /

Однажды... Следовало бы сначала написать предисловие ко второй части, скажут, бранясь и привередничая, наши любимые читатели, но ведь все картинки должны начинаться со слова «Однажды», верно? Ну, а теперь можно и о предисловии. Вторая часть нашей Истории, как вы уже поняли, будет содержать в себе картинки, освещающие основной период творчества группы «Куин» – с 1980 по 1990 год. Все сливки славы группы будут представлены в этой части книги – записи новых альбомов, съемки видеоклипов, о которых так мало было сказано ранее, и просто приключения квинов. Кроме них, вы снова встретитесь со многими старыми друзьями – Дэвидом Боуи, Элтоном Джоном, Стингом и его медведем... Из новых же можно назвать Дэвида Гэхена, Акс-ла Роуза, немного известных вам уже Пера Гессле и Мари Фредриксон, старый добрый Хулио Иглесиас также заглянет на огонек, короче, народу будет много, даже масса (подробнее о них см. в «Действующих лицах...». А если не хотите – не см.). К тому же вас ожидает приятный сюрприз! В Историю вклиниваются и некоторые наши звезды – Цой, Кинчев, Шевчук и некоторые другие. Но мы не злоупотребляли нашими музыкантами и актерами, ведь книга-то наша – о загнивающем капитализме. Так что вот. Ну, а сейчас вернемся

к нашему повествованию. Итак...

Однажды Фредди Меркури, сменивший, как вы помните, имидж и ставший усатым и неволосатым, сидел за роялем, и сладкие звуки музыки лились из-под его гибких и ловких пальцев. Сзади подкрался никем не замеченный Джон Ричардыч Дикон и крикнул Фредди в ухо:

– Фред! А ты ведь никогда не рассказывал, как ты научился играть на рояле!

Фредди повел ухом, как ленивый кот, вальяжно откинулся на спинку стула и свалился на пол (как вы понимаете, у специальных рояльных вертящихся стульев спинки-то никакой и нету). Поднявшись, он как ни в чем не бывало сбросил Джона с рояля (на который тот залез с ногами, опасаясь мести вышеизложенного Фредди), сам сел в кресло и начал рассказ:

– Ладно, липунюшка. Слушай. Когда мне исполнилось десять лет, папа на всю получку купил мне ма-алюсенький, крохотусенький, такусенький роялик. Игрушечный, – злобно добавил он.

– Ну, положим, ты все нам тут наврал, – заявил Брайан, который уже давным-давно лежал на диване и слушал фреддинские байки. – Разве твой папс столько получал? Я имею в виду – так мало?

– На всю получку, – холодно продолжил Фредди, – после того, как мой, как вы изволили брякнуть, папс сходил в кабачок, он принес маме новый веник, Кашмире – новые та-

почки, ну а мне, как самому любимому – роялик. Я начал учиться играть...

– Ага! – расхохотался Элтон Джон, который до этого тихо сидел в дальнем углу и мяукал что-то себе под нос на губной гармошке. – Я помню! Как я тебя тогда, а? А твой папс, – неожиданно мрачно закончил он, – поступил подло. Зачем он меня выкинул?

– Так это был ты? – взревел Фредди, сделав вид, что безмерно удивлен. – Вот я вам сейчас задам! – и он уже дунул за Элтоном, но был жестоко схвачен за недоуздок Дэвидом Боуи, сидевшим на полу в обнимку с плюшевой гориллой.

– Тебя зачем сюда позвали? – свирепо сказал он Фредди. – Воспоминаться или чего?

– Хам-мы-ы! – и Фредди, оскорбленный в лучших чувствах, залез в дальний угол и, немного поворчав и порвав обои, принялся вспоминать дальше:

– Итак, я научился играть гаммы...

– Ипсилоны, дельты, зиты, иты, фиты и ижицу, – перечислил по памяти дедушка Джорджа Харрисона, выглядывая из холодильника. Фредди совершенно взбесился.

– Ежели этот старый хрыч не заткнется, то не будет вам щемящих душу воспоминаний! – пригрозил он. Дедушку ликвидировали – отправили в верхний магазин за овсянкой – и стали внимать.

– И вот тогда мой горячо и нежно любимый папс, – Фредди замолчал и прислушался. Всюду стояла тишина, – нако-

нец купил мне настоящую машину. «Красный Октябрь»!

– Опять врешь, – лениво сказал Джон, который все это время просидел в ванной, и только сейчас соизволил выйти в полосатом купальном халате и с двумя тазиками на ногах. – Такой есть только у Брайана. Ему Гоша прислал, я знаю.

– Заткнулись все! – рявкнул Фредди. – Я рассказываю! Так вот, единственными нотами у меня тогда были ноты песен «Битлз»...

– Наглый лжун! – заявил Фил Коллинз из-под кровати. – В пийсят шестом году не было битлов, не было!

– Уж я-то помню! – влез в окно Пол Маккартни, – Кстати, у вас место басиста вакантно? – и он показал на висящую за спиной гитару. Фредди показал ему кулак.

– Да чего там, – хмыкнул Джон, подошел к окну и так смазал по уху басисту, что тот как висел, так и упал. На пол к Фредди, потому что Дэвид Боуи был в комнате, а денег на ращение костей у Пола не было – поиздержался.

– Так вот, – свирепо вращая глазами, продолжил Фредди, – «Битлз» не было, не отрицаю. А ноты – были! Были ноты, я сказал! И вообще, не буду больше ничего рассказывать, если вы все такие, – и он надулся.

– Мы больше не будем перебивать, – пообещал Роджер. – Рассказывай.

– А чего рассказывать, – хмуро сказал Фредди, – Шел из бани и все, чего рассказывать... Вот так я и научился играть...

– Фред, – перебил его Роджер, – А почему ты деда Бихто не играешь?

– Кого? – осовел Фредди.

– Деда Бихто, – рассердился Джон. – Дядю Люду. Бетховена почему не играешь, нетопырь?

– А, – успокоился Фредди, и в его глазах загорелся волчий огонь. – Бехто.. Битхо.. Ну, в общем, это долгая история...

Все вдруг страшно засуетились насчет чая. Джон побежал на кухню за чашками, Дэвид орудовал ножом, Роджер потрясал буханками, Коллинз азартно давил сразу два лимона, а добрейший Элтон Джон размахивал здоровенным чайником...

После того, как суматоха улеглась, Фредди ящеричьим взглядом окинул сидящих на полу друзей с чашками ароматного чая и горами бутербродов, терпеливо ждущих продолжения рассказа, и нежно сказал:

– Почему я не играю деда Бихто? Потому что я его не люблю!

В наступившей тишине послышался влажный шлепок – у кого-то маслом вниз упал бутерброд. Фредди, не растерявшись, выскочил в окно и задал стрекача. Тогда все со зловещим молчанием сгрудились вокруг Брайана. Тот съежился и заверещал:

– Чего вам? Ну чего вам? Историю? Хорошо же! Я вот сейчас как расскажу! Однажды...

Все опять расселись по местам и наострили уши.

– Однажды, – говорил Мэй, и глаза его затянуло розовой пленкой, – я полез на стену. Но сорвался и упал. И сломал ногу. Вот..

Все молчали.

– А чего? – стушевался Мэй, – Не смешно разве?

– И это все? – побледнел от гнева Боуи.

– Ну да! – побледнел от страха Брайан.

– Так ты ж преступник! – побледнел от злобы Фил Коллинз, и его лысина налилась кровью (что было весьма забавно – темное пятно на фоне всего остального. Внешне Фил стал походить чем-то на Горбачева после путча (если вы понимаете, что мы имеем в виду). – Тебя ж судить надо. Показательным судом. Покажи ему, Дэвид!

Боуи медленно подошел к Брайану и, сграбастав его за грудки, стукнул об стену. Поднялась пыль и посыпалась штукатурка.

– Теперь всем понятно? – сухо сказал Боуи, брезгливо отряхнув руки. – Пока не услышу достойную внимания, веселую, поучительную, занимательную историю – никто из комнаты живым не выйдет. Тебе понятно, Фил? Тебе понятно, Джон? Вот что значит – объяснить доходчиво.

Все спали с лица и напряженно задумались. Боуи покопался в дубине и, вытащив из ее недр песочные часы, водрузил их на рояль. Фредди (который уже вернулся), боясь долгого преследования и последующего штурма, бегал от одного к другому и подбадривал. На него огрызались. Беззлобно.

И злобно. И бросались сапогами, крича, чтоб не мешал думать.

Наконец, Боуи возвестил:

– Пора, друже! Элтон, начинай.

– Была страшно смешная история, – уныло начал Элтон. –

Познакомился я в клубе с ба..

Внезапно Коллинза прошиб такой истерический смех, что его пришлось срочно вынести на улицу.

– Это еще не история, – тоскливо сказал Элтон. – А история вот такая – однажды я в клубе познакомился с бабой...

– Лопну щас! – Пол Маккартни, хихикая, перегнулся через подоконник – и нет его! Через минуту Боуи вернулся, потирая спину, и потребовал:

– Рассказывай! Еще кто хоть раз засмеется – завалю и съем!

– Встретился я в клубе с бабой – а оказалось – мужик! – выпалил Элтон.

– Дю! – сказал Фредди. – Тоже мне – байка из склепа. Я Это знаю. Ру Пол его фамилие. Или ее.

– Элтон, вы разжалованы, – ледяным тоном заявил Боуи, вырывая с мясом погончики его рубашки. – Сэр Дикон, вас попрошу.

– Я историй не знаю, – сказал Джон, смутившись, – смешных, во всяком случае.

– Любую рассказывай! – приказал Дэвид.

Джон, наконец-то заметя фрединские пассы и знаки,

приободрился:

– Итак, однажды я поехал на своем тарантасе через горы. Была тихая-тихая лунная ночь, и топот копыт...

Через пять минут Боуи уже сладко спал. Оставшиеся тихонько разошлись по домам. Несчастный лектор был разбужен наступившей тишиной и совсем озверел.

– Я тоже знаю одну историю! – хищно сказал он. – Жил-был хороший человек по имени Дэвид, и захотелось ему побить кого-нибудь. Просто так!

Боуи пошарил по углам в поисках этого кого-нибудь, и, не найдя даже дохлой сухой мухи, огорченно продолжил рассказ:

– Тогда пошел Дэвид на улицу...

Как тень, выскользнул он на Кингс-роуд...

– ...Поймал первого же попавшегося знакомого и сделал ему кай-кай! Вот и вся история!

Остается только добавить, что первым же попавшимся знакомым оказался Ангус Янг, который после долгой зимней спячки первый раз выкарабкался из канализации. После экзекуции Ангус еле живой уполз в Австралию, оставив Боуи в качестве трофея тромбон. Вот и вся история!

/ – картинка №2 – /

ХОКБИЛ, или СПАСИТЕ!!! /

Однажды Фредди увидел из окна, что Брайан, Джон и Роджер идут гуськом по Кенсингтонскому рынку, воровато оглядываясь и держа под мышками какие-то палки. Все было бы ничего, и Фредди отправился бы добривать кошку, превращая ее в карликового льва, да вот на палках зоркий глаз Фредди узрел болтающиеся сапоги, на которые, в свою очередь, были навинчены какие-то железки. «Может быть, они идут грабить банк, – лихорадочно заработал мозг Фредди. – А меня с собой брать не хотят, черносливы!». Немудрено, что Фредди тут же отправился за ними следом (не забыв прихватить два мешка для денег).

...Фредди полз между сугробами, по-шпионски посапывая, а друзья тем временем пришли... на стадион. И только они надели свои сапоги с железками (т.е. коньки, сами понимаете), как из сугроба донеслось злое рычание.

– Это белый медведь, – сказал умный Роджер. – Я знаю. Я – биолог. Это самый опасный зверь. Даже страшнее льва.

– Понятно, что биолог страшнее льва, – нервно сказал Брайан, – а с медведем-то что прикажешь делать?

– Дурак! – озлился Тейлор. – Медведь белый – самый злой!

– Злее Дэвида? – побледнел Джон.

– На Боуи белых медведей еще никто не проверял, – авторитетно заявил Тейлор. – А то бы они совсем вымерли. Как дронт.

– Это я-то – дронт? – появился откуда-то Дэвид Боуи.

Друзья, как по команде, стали мелко-мелко дрожать – вероятно, от переизбытка храбрости.

– Я слышал, – холодно сказал Боуи (вообще-то он сказал это обычным голосом, но в тот февраль было просто зверски холодно, поэтому Дэвиду больше ничего не оставалось, как сказать свою речь холодно), – что рядом с мерзким словом «дронт» упомянули мое достославное имя! Это так? Ответьте!

И он вперил в друзей свой убийственный взгляд, от которого на Брайане мигом растаял снег, а Джон даже задымился.

– Нет, – нашелся Роджер и показал на сугроб, который возился и кашлял. – Вон – дронт!

Боуи развернулся.

– Ты – дронт, скотина? – полуутвердительно спросил Дэвид. – Или как?

– Сам дронт, – сердито отозвался сугроб. – И сам скот.

– Я – скот? – заревел Боуи и набросился на сугроб.

Поднялся снежный буран и белая-белая метелица. Но счастья она никому не обещала. Из клубов снежной пыли доносились дикие вопли: «Спасите! СПА-АСИТЕ!!!» и ворчание Боуи: «Щас спасу. Я тебя так спасу!» Когда буран рассеялся, друзья увидели снежных, очень снежных Дэвида и Фредди.

– А говорил – медведь, медведь, – шепнул на ухо Роджеру Брайан. – Чуть было человека не угробил!

– Я?! – удивился Джон.

– Ага, – голос Роджера был хмур и мрачен.

– Дак ты же ж сам же ведь.., – голос Джона сорвался от возмущения.

– Ну я-то в самом деле думал, что это медведь, – рассердился Роджер. – И вообще не лезь ко мне со своим медведем. Пристал тут, понимаешь, как репа!

Джон нахохлился и замолчал.

– О чем это они? – спросил Фредди у Боуи.

– Да вот о медведе говорят, и о репе.

И тут Боуи осенило.

– Так это они о нас с тобой!

– Мы – медведь и репа?! – и Дэвид с Фредди начали медленно подступать к друзьям, но те сделали «каре» из трех человек и подняли клюшки. Боуи просто ошалел от такого нахальства, а Фредди сел в снег и заорал:

– ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ЗДЕСЬ! СЕЙЧАС! ВПЕРВЫЕ! ХОККЕЙНЫЙ МАТЧ! РОК-ЗВЕЗД! НУ НЕ ТАКИХ УЖ И ЗВЕЗД! НО ВСЕ-ТАКИ! СПЕШИТЕ! СПЕШИХхх... – тут он сорвал голос и заперхал.

В мгновение ока все, кроме Боуи, Элтона Джона и Фила Коллинза, убрались за забор. А квинам ничего не оставалось, как принять вызов. Началась свалка. Все с воплями носились по полю на коньках, производя ужасный шум. Фил

Коллинз, который единственный был без коньков, то и дело оступался и падал с жутким звоном. Дэвид Боуи своей дубиной сажал шайбы одну за другой. А Фредди бегал по рядам и подзюкивал:

– Господа! Делайте вашу игру! Ваши ставки, господа и дамы! Не, на этих лучше не ставить, ставьте вон на тех. Это я вам как эксперт говорю! Да-да! Да-да!

Когда два его мешка и даже карманы доверху наполнились деньгами, Фредди начал набивать ими свои клетчатые штаны. Затем подвязал их веревочками и ушел, ковыляя, как запорожец, который уже написал письмо турецкому султану и теперь решил пойти и поесть сала.

– Я пошел в банк! – крикнул Фред друзьям. – Делать вклады. Под очень, **ОЧЕНЬ** большие проценты!

– Заканчиваем цирк и сворачиваемся, – озабоченно сказал Роджер, ловко сбивая с ног зазевавшегося Элтона. – А то он так вложит – без штанов останемся.

И квины, сделав изящный пируэт, укатили, благо на улице был гололед. А возмущенные зрители полезли драться к Боуи, но тот не растерялся и, расшвыряв всех дубиной, убежал. Коллинза же и Элтона Джона неминуемо побили бы, но по счастью у Филя в кармане завалялась расческа с бумажкой, он немного поиграл, а Элтон попел, и зрители, довольные, что их деньги пропали не зря, разошлись.

...Подъезжая к банку, наши друзья еще за квартал до него слышали тоскливые вопли Фредди:

– Спасите меня! Спасите меня! СПАСИ-ИТЕ МЕНЯ-А!!!

Фредди обнаружился в банке, из которого он не мог выйти по простой причине – за ним дверь защелкнулась.

– Дурындас, – жалостливо сказал Брайан носу Фредди, прижавшемуся к окошку. – Ну и что нам теперь с тобой делать?

Нос Фредди с печальным писксом задвигался по стеклу.

– Ничего, – утешил его Роджер. – Щас Джоныч что-нибудь придумает, он же у нас мультманьяк.

Джон деловито оборвал сигнализацию, попросив у Брайана шпильку, отпер дверь и скомандовал:

– Вылезай! И денежки прибери, нечего им там валяться.

Фредди послушно схватил мешки и побежал к выходу, крикнув:

– Там еще много! На всех хватит! И еще останется! Тыщ семьсот!

– Не останется! – и друзья вбежали в банк.

Там на полу сиротливо лежал один пенни.

– Эй, Фред! – прошипел Роджер. – Это твои семьсот тысяч, что ли?

– Гы, – сказал Фредди. – А я наврал!

Он захлопнул за друзьями дверь и, посовав куда попало проводки, выданные ранее Джоном, включил сигнализацию. Завыла сирена, а громче ее – друзья, поняв, что попались. Фредди стал дразниться, шурша кредитками в штанах, а потом поклонился и удалился.

...А поутру они проснулись в участке. Их стали допрашивать – с пристрастием, с чувством, с толком, с расстановкой. Полицейский инспектор – молодой французик Жан Рено, уже прославившийся своей жестокостью к заключенным – долго пытал кричащих друзей запахом телячьей отбивной и видом отменного лангини (рожек с томат-пастой). И лишь несчастный случай спас наших друзей из тюрьмы – в то утро началась эпидемия опасного и непредсказуемого гриппа «Хвост», и половина населения Лондона чуть не спятила, когда у них выросли хвосты. Брайан, Джон и Роджер перешагнули через валяющихся в истерике хвостатых полицейских и ушли домой.

А хвосты через час пропали! Обидно, да?

/ – картинка №3 – / СКЛАД, или СНОВА В МЮНХЕНЕ /

Однажды Фредди был прощен за свой наглый поступок с деньгами. Простили его после того, как он купил всем билеты первого класса до Мюнхена. Мало того! По приезде квиннам выдали зарплату! Настоящую! В собственные руки! Пока они радуются и строят планы, куда бы ее просадить, мы пойдем поглядим на Клауса Майне, который после роспуска банды «Клетчатые ежи» и основания группы «Скорпионы» временно маялся от безделья.

Итак, однажды Клаус Майне шел по улице и швырялся камнями в кошек. Во всяких – в породных и без. И тут ему в глаза бросилась здоровенная персидская котятра. Клаус заорал и принялся отдирать кошку от лица, но та уже довольно уютно устроилась и теперь тихо качалась, крепко вцепившись когтями в клаусины брови.

Но Клаусу хитрости было не занимать – он ловко снял свои накладные брови и метнул их вместе с кошкой в неизвестном направлении. Вскоре оттуда прибежал Фредди и с криком: «Мне манулы не нужны!» нахлобучил кошку обратно Майне на голову, хотя тот изрядно сопротивлялся. После такого демарша Клаус совершенно приуныл и пошел пожевать свежих афиш. На одной из них, к величайшему изумлению Майне, было написано: «А вы знаете, что Д.Р.Дикон

сегодня получил зарплату? А? О!» У Майне в голове созрел хитрый план. Но на план сверху давила лежащая на голове кошка. Посему неудивительно, что Клаус свернул кошку в трубку и засунул в ближайшую водосточную трубу, а сам куда-то побежал. Очень быстро.

Через полчаса в квартиру Джона кто-то позвонил. Этот кто-то в данный момент хихикал, двигал тем местом, где должны были бы находиться брови, и плевал в дверной глазок. Предусмотрительный же Джон как раз и посмотрел в глазок, однако то, что он там увидел, привело его в неподдельное изумление. Оно было одновременно похоже на маленького крокодила и большую кофеварку. Поэтому Джон вынул из кармана лупу, и, резко открыв дверь, начал всматриваться.

Клаус увидел перед собой чудовищный ГЛАЗ (он не знал о привычке Джона рассматривать все через лупу), с криком побежал напролом – и проломился. Точнее, провалился сквозь землю. А еще точнее – в яму. Пошто же, спросит нас заспанный читатель, душераздирающе зевая? Да все потому, что Джон, получив первую в жизни целую зарплату, совсем одурел, задворками прибежал домой и всюду понаставил ловких западней, зубастых капканов и вьетнамских ловушек. Посреди же прихожей он выкопал здоровенную яму, прикрыв ее ковриком. Вот почему Майне, долетев до дна, обнаружил на ее дне весьма теплую, ругающуюся грязными словами компанию: Фредди, Дэвида Боуи, Элтона Джона,

Рутгера Хауэра, Майкла Дукакиса (его узнали только по бэд-жику на лацкане, на котором так и было написано: «Я – Майкл Дукакис») и Стинга. Не обошлось дело и без таинственного расклейщика афиш – Дитера Болена. Он пришел первым. Так сказать, проложил лыжню. Вот теперь паданцы сидели и гадали, как им выбраться из этого малоуютного места, а заодно и проучить гадкого шалуна Дикона.

Гадкий шалун же в это время впускал очередного любителя чужих зарплат. Но по рассеянности он забыл настелить коврик. И Брайан подошел к самому краю норы, но падать не спешил, а затеял ток-шоу.

– Чего это вы все туда забрались-то? – спросил он яму. – Там же тесно. И грязно. Карабкайтесь ко мне! Скорее карабкайтесь ко мне, джентльмены!

– Лучше уйдите, сэр, – сердито сказал Боуи. – Или вытащите нас отсюда. Мы сами не можем вытаскаться.

– Эй! – удивился Брайану Джон, выходя из передней. – Послушай, любезный, а ты почему не внизу? Нехорошо, вашбродь, нехорошо.

– Я тебе не мойбродь! – закричал фальцетом Брайан. – Лучше скажи – кто их всех в эту дырку покидал?

– Я! – раздуваясь от гордости, поведал Джон.

– Он, он, козлиный клюв! – раздался нестройный хор голосов из ловушки.

– Ну и за каким ляхом? – удивился Мэй.

– Да так, – изящно пританцовывая, ответил Джон. – Клад.

Всего-навсего клад. Двадцать пять процентов...

Договорить он не успел – Брайан уже ласточкой летел в яму, крича, чтоб не смели делить без него, и что все – жулики!

Когда Джон через полчаса ушел в киоск за программкой, он даже с улицы слышал крутую брань, удары по ушам и озлобленный лай из норы.

А спас детей подземелья не кто иной, как неугомонный Ангус Янг. Он как раз проползал мимо по одному из своих многочисленных ходов и услышал нехорошие слова. Спаситель выстроил всех монтекристов в цепочку и увел за собой в Австралию, где группа «Куин» заодно решила устроить гастроли. А Джону, оставшемуся в Мюнхене, пришлось покупать билет до Сиднея за свой счет. Друзья приветливо встретили его в аэропорту, так что он после этого неделю чай только вприкуску пил.

А Брайан все-таки нашел клад. Во дворе у Кайли Миноуг. И все пуговицы забрал себе, а осколок синего бутылошного стекла подарил любимой. Вот и все.

/ – картинка №4 – / РОГАЧ, или НЕ УПАВШИЙ В ПЫЛЬ /

Однажды пан Джон Дикон спал. Просто лежал и спал. Вернее, он стоял и спал. Прислонившись к стенке и накрывшись половиком, да еще и заливисто похрапывая. Вдруг за стеной, где Фредди командовал, как лучше поставить освещение для нового клипа, раздался мощный ГРАХ! Джон упал и продолжал спать на полу. Раздался еще один ГРАХ, а сразу за ним два ХОНКа!!! Джон подрыгал ногой и перевернулся на живот. Тогда – не столько со злости, сколько задавшись целью разбудить – в стену начали чем-то размеренно бить. По звуку что-то напоминало голову, хотя, вероятнее всего, это была обычная микрофонная стойка. Джон же не выносил никаких методичных и размеренных ударов. У него в доме не было часов с боем, а в двенадцать часов он наглухо затворял окна, дабы отгородиться от Биг-Бена. За барабанный бой он же не жаловал и одноклассника Роджера, да и вообще всех ударников (кроме ветеранов труда).

Стук доконал несчастного басиста. Джон встал и, охая и почесываясь, побрел в павильон. Там он впер свой взор во Фредди, в ярости крушившего стулья, и стал хранить достойное молчание. От басиста не ускользнуло, что Фредди кинулся крушить стулья как раз в тот момент, когда по-

явился он, Джон. Надуваешь, гадюка, подумал он. Врешь, не возьмешь!

– Че бесисся? – грубо спросил он товарища.

– Где?! – кричал Фредди, прыгая на останках стула. – Где этот чертов инвалид?

– Не шуми, – еще грубее сказал Джон. – Я инвалид.

Фредди смерил мнимого больного презрительным взглядом и отчеканил:

– Где. Эта. Драная. Шкура?

– Если ты имеешь в виду Брайана, – заметил Джон, – то он имеет место быть в углу за шваброй.

Фредди присмотрелся. Из-за швабры на мгновение высунулся нос и испуганно блеснули Мэя чистые глазенки. Фред, как тигр, принялся рыскать по комнате, размахивая бейсбольной шапочкой.

– Подойди. Ко мне. Брайан. Я. Тебе. Дам. В морду, – злобно начал он.

– Да что тебе в нем? – потребовал справедливости Джон.

– А вот! – патетически ответил Фредди. – Эта слизь наставила мне рога!

– С кем? – деловито поинтересовался Джон, предвкушая, как он завтра разнесет гадкую новость по всему Кенсингтону.

– Если бы, – горько сказал Фредди. – Так вон ведь... – и он показался Джону в профиль и в фас. Его бейсбольную кепку украшала пара премиленьких кривеньких рожек.

– Знаешь, кто ты после этого? – обратился Фредди к дрожащей швабре, затем выдержал эффектную паузу и возвестил. – Скарланпендра!!!

Швабра отлетела, и на свет родился Брайан.

– Значит, скарлапендра! – ломким от ярости голосом сказал он и так треснул Фредди по башке совком, что у того отвалились с кепочки рожки, но зато тут же выросли настоящие. Джон загегекал, Фредди же засипел как испорченный примус. Он подошел к корчащемуся от смеха Брайану. Он приподнял с его головы парик. Он плюнул в образовавшееся безвоздушное пространство. Он водрузил парик на место и аккуратно разгладил. Он высокомерно поглядел на товарища и объявил:

– Так будет со всяким, кто покусится...

Не договорив, он схватился и выскочил на улицу, преследуемый разъяренным гитаристом.

На улице перед студией было людно. Помимо обслуживающего персонала студии, ждущего, когда закончится свара, в толпе присутствовали такие уважаемые личности, как выдающийся биолог своего времени Роджер Тейлор, владелец керосиновой лавочки /мистер Элтон Джон/, лектор /господин Дэвид Боуи/, шинкарь /господин Фил Коллинз/, скорняк и чучельник /просто Питер Габриэл/ и многие другие. Особенно выделялся некий Джон Дикон. Он сновал в толпе, как челнок, сочиняя похабные подробности мэйских амуров. Джон, захлебываясь от восторга, фантазировал напро-

палую, пока дверь студии не распахнулась, и оттуда торпедами не вылетели друзья-соперники.

– Смесь бульдога с носорогом! Бульсара! – обзывался Брайан.

– А ты карюзлый! – орал Фредди.

– А ты рогастый! – вопил Брайан.

– А ты карюзлый, – уже более спокойно сказал Фредди.

– А ты лось сохатый! – надрывался Мэй.

– А ты карюзлый, – смеясь, повторил Фредди. – родился карюзлым – и всегда будешь карюзлым!

Брайан тяжело и часто задышал. Было видно, что он решительно не согласен с утверждениями Фредди, но прямо возразить стеснялся. И все же пора настала, и он возразил.

– Нет! – крикнул Брайан тонким голосом. – Не карюзлый я! Нет!

– Да, – грустно ответил Фредди. – Ты карюзлый. И с этим приходится считаться.

– Ах – ты – так! – и Брайан сорвал автомат с плеча стоящего рядом Денниса Хоппера (который вообще никуда без автомата не выходил). Половина зевак тут же испарилась. Элтон Джон тоже убежал, но вернулся через пять минут, чтобы продать желающим бронежилеты. Брайан, видя, что испарились не все, дал небольшую очередь (поверх голов, конечно). Все, не доверяя элтоновым жилетам (и какой дурак поверит керосинщику), упали навзничь. Включая и самого Брайана, который так испугался, что отшвырнул автомат и накрыл го-

лову руками. Не упал один только Джон. Он, захлебываясь, рассказывал о мартовском зайце Брайане, так как был, в бабушку, немного глуховат и никаких выстрелов не слышал. Через пять минут он, наконец, соизволил обратить внимание на слушателей и обнаружил, что они все превратились в лежателей. Живот Дикона хитро и протяжно заурчал, и они вместе с хозяином убежали в неизвестном направлении – направо.

Вскоре Джон вернулся, но застал лишь одного Фредди, который, лежа на пузе, прятал голову под крылом. Дикон ткнул друга в бок ботинком и радостно сказал:

– Я написал песню! Новую! Сам! Без пыток и насилия! Название простое – «Еще один поверженный кусает зубом пыль».

– Это ты на кого намекаешь? – сурово спросил Фредди, поднимаясь и отряхивая пыль с ушей.

– Да так, – замялся Джон. – Ни на кого. Понимаешь, это метафора. Представь – еще один, кусающий пыль – это буквально, а еще один поверженный – это в переносном смысле... Это такой английский юмор, вам не понять. В особенности тебе, товарищу персицкому.

Фредди толкнул его в грудь. Джон упал, а Фредди с доброй улыбкой сказал:

– Как изменчива жизнь. Теперь вот ты кусаешь пыль. А я – Я! – буду петь твою песню.

Джон негодуя заскулил и заурчал. Протестовать в пол-

ный голос ему мешал придавивший его нос кроссовок друга.

– согласишься с нами работать, будешь получать хлеб-масла! – поучал Фредди. – Не согласишься с нами работать, будешь получать сапог-морда!

– Абу! – кивнул Джон, и обувь была мгновенно убрана с его органа обоняния.

Все, чрезвычайно довольные, разошлись кто куда: Джон и Фредди – в студию, а Элтон Джон, которой всю беседу прятался в мешке с грязным бельем, прихватил его и забытый автомат и стал бегать по Кенсингтону, предлагая себя в качестве телохранителя, а также пресловутое грязное белье. Вполне разумным оказался тот факт, что такой телохранитель даром никому не был нужен, а белье – тем более.

– Да я лучше лошадь возьму сено охранять, – ворчал Кристофер Ламберт. – А то что Элтон ни возьмется стеречь – того и не досчитаешься! Вот, к примеру, я. Взял его в прошлом году охранять свечи. Так он все, что не успел продать, съел или фитильки пообкусывал, бабай ушастый! А белье давай сюда, я его состирну в «Новости» и использую по прямому его назначению.

Последняя фраза прозвучала столь угрожающе, что Элтон струхнул.

– А в чем прямое назначение чужого белья? – робко спросил он.

Ламберт нехорошо на него зыркнул, но сообразовал ответить:

– У верха я свяжу рукава и использую при переноске арбузов, а у низа – зашью штанины и буду хранить в нем семечки.

Элтон смирился, отдал белье, а автомат стал использовать в качестве грузика для квашения капусты.

А Фредди, получив разрешение петь Джонову песню, ужасно возгордился и во время съемок клипа, как петух, шлялся по сцене в своей рогатой шапке, что, впрочем, песни отнюдь не испортило, и она стала большим хитом как в Англии, так и везде. Особенно в Америке.

/ – картинка №5 – / КАК ПОД ПРЕССОМ, или ПРИВЕТ ДАРРЕЛЛУ /

Однажды Фредди сидел в студии в Монтре, пытаясь сосредоточиться и написать песню. Ничего не средотачивалось и не писалось. Тогда Фредди встал и сделал несколько злобных выпадов в адрес зеркала. Вдохновение не приходило. Тогда он немного попрыгал и постучал головой в стену. Ничего не выстукивалось. В отчаяньи Фредди решился было прибегнуть к излюбленному выколачиванию строптивного вдохновения и всласть покрушить стулья, как вдруг с улицы раздались пренеприятнейшие вопли. Фредди выбежал на балкон, перегнулся через перила и – неожиданно успокоился. Внизу никого не убивали, а просто на тротуаре сидел Дэвид Боуи с гитарой и пел. Фредди сел на перильца и продолжал думать. Но от особенно нервного взвоя Дэвида все мысли убежали в мозжечок и спрятались там, дрожа и попискивая.

– Посмотри, как блестят, – орал Боуи, – бриллиантовые собаки...

– Дэвид, помолчи, – дружелюбно посоветовал ему Фредди.

– Послушай, как свистят, – вопил Боуи. – бриллиантовые

собаки...

– Заткнись, я сказал! – рассердился Фредди, оцетинив усы.

– Как люблю я вас, – не сдавался Боуи, – мои песики...

Фредди сбегал в студию, выудил из сумки Джона положенную туда заботливой бабушкой баночку вишневого компота, открыл ее об стол, вытащил из ботинка огромную ложку и опять выскочил на балкон. Тем временем Боуи, обрадованный тем, что ему никто не мешает, вновь закричал во весь голос. Фредди опять взгромоздился на перила и принялся пить компот и есть вишни, обстреливая косточками несчастного Боуи. Тот, наконец, оборвал собачьи песни и ощутил чье-то незримое присутствие. Которое вскоре стало зримым и весьма даже ощутимым. Подняв голову, Боуи увидел весело топорщащиеся усы и трассирующие косточки.

– Слезай, тритон, – спокойно потребовал Боуи.

Фредди оскорбился.

– А ты – шпорцевая лягушка! – заорал он.

– Пипа!

– Сцинк!

– Рогатая лягушка!

– Синий хамелеон!

– Плюющаяся кобра!

– Мамба!

– Змея-яйцеед!

– Зеленая випера!

- Квакша!
- Геккон!
- Волосатая лягушка!
- Черношей левый!
- Бананоед!
- Сова Вудфорта!
- Птица-носорог!
- Плешивая сорока!
- Бородатая ржанка!
- Пегая ворона!
- Лопастый чибис!
- Белолицая сплюшка!
- Обезьяна-ревун!
- Виверра!
- Шиншилла!
- Скунс вонючий!
- А ты – потто!
- Это что?
- Он приносит несчастье, и потому безжалостно подавля-

ется туземцами!

- Тогда ты – оцелот!
- Носуха-коати!
- Мандрил!
- Мангуста!
- Мартышка-гусар!
- Кистехвостый дикобраз!

– Галаго!

– Броненосец Потемкина!

– Азиатская макака!

– Гиббон!

– Павиан!

– Бабуин!

– Ага! Вот ты и просчитался! – возликовал Боуи. – Павиан и бабуин – одно и то же!

– Вот ты и есть один и тот же павиан-бабуин! – отрезал Фредди.

Боуи от такого нахальства побагровел, отшвырнул гитару, вытащил из-за пазухи дубину и, держа ее в зубах, пополз по водосточной трубе. Вот чего Фредди не учел – лазания Боуи по трубам. Он думал, что все Боуи только на крышах кричать умеют и рыбу воровать. С перепугу ему на ум пришли строчки стихотворения одного русского поэта, которое ему часто доводилось слышать от не в меру строгого папы. С криком: «Раззудись, плечо! Размахнись, рука!» он метнул банку с компотом в лезущего Боуи. Тот, как заправский акробат, поймал ее на лету, устроился поудобнее и принялся поедать вишни, дав тем самым Фредди фору на обдумывание спасения.

Но Фредди ничего обдумывать не стал. Планы спасения в таких случаях появлялись сами собой. Фредди (в который уже раз) побежал в студию, где его друзья, вернувшись с обеда, распаковывали инструменты, схватил в охапку

Брайана и выволоч на балкон. Боуи же тем временем развлекался. Допив компот и проглотив вишни прямо с косточками, он стал жонглировать банкой, подержал ее немного на носу, как морской лев, а затем с наслаждением съел. И полез наверх. Фредди раздутил свои хилые плечи и метнул в Боуи Брайаном. И, к сожалению, промахнулся. Джон с Роджером задрожали. Судя по звуку, Брайан упал на тротуар в позе зародыша, прижимая к груди гитару.

Боуи продолжал уверенно ползти по трубе. Фредди заметался по балкону, а затем отдал Боуи на съедение Роджера. Дэвид его есть не стал – от Роджеров обычно бывает несварение и бляшки в сосудах – а просто кинул вниз, до кучи. Джон, не дожидаясь, пока его выкинут, выбросил Фредди сам и от полноты чувств схватил бас-гитару и заиграл на ней маршбятяк (маршбятяк (*джоновск.*) – вовсе не маршевый батальон, а нечто музыкальное, задорное, свежее, от чего ноги сами дрыгаются).

...Внизу, на мостовой, имела место быть восхитительная куча-мала. Фредди, которому за многие месяцы утомительной работы выпала возможность всласть побеситься, блаженствовал вовсю. Он запутал руки-ноги лежащих приятелей так, что сам черт не разберет. В самом низу кучи, на асфальте, лежал Боуи, на котором громоздилось два центнера беспрерывно шевелящегося и хихикающего человеческого мяса, и жалобно всхлипывал:

– Как под прессом! Как под прессом!

После происшедшей затем дележки рук и ног (которую подглядел сэр Уильям Самуэль Харрис в исполнении Ширвиндта с трубкой в зубах и привнес в фильм «Трое в лодке»), все поднялись и со стонами-вздохами отправились в студию, где и увидели Джона, который расхаживал, раскачивался и время от времени слюнил пальцы.

– Не грызи ноготочки, – нежно посоветовал ему Фредди. – Будут глисточки!

Не успел Джон достойно ответить, как его сграбастали, в наказание за неучастие в куче ввернули в патрон лампы, включили свет – и нос Джона засиял приятно и электрически. И все этому обрадовались – наступал вечер...

А уже гораздо позже, когда Джон вывернулся, а Брайан склеил свою многострадальную гитару, Боуи категорически отказался уходить и стал петь вместе с Фредди. Так была записана песня «Under pressure», которую каждый может услышать в альбоме «Hot space».

А Джон еще долго светился по ночам и пугал персонал монтревной гостиницы...

/ – картинка №6 – / МНИМЫЙ БУКА, или ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ /

Однажды по возвращению из Монтре наших героев ждало несколько сюрпризов. Например, Роджер с изумлением обнаружил, что у него родился сын! Он позвал в консультанты Джона, и они долгими зимними вечерами пропадали в кабачках и пабах, заливая удивление от презента пивом с чаем. Фредди же был занят весьма важным делом – он слушал своих кошек с какими-то ужасными камышовыми котами, которых находил в самых неожиданных местах (одного, например, он обнаружил в шкафу отдыхающим на своем новом выходном смокинге), а затем продавал получившихся котят как манулов, а одного, особенно ушастого, всучил Лондонскому зоопарку как фенека... Брайана по приезду тоже ожидал сюрприз, гораздо менее приятный – его жена выехала в неизвестном направлении, продав дом. В доме теперь жили совершенно посторонние люди – бородатые. Их Брайан, проявив недюжинную смекалку, сразу окрестил «Бородами». Хотя настоящую фамилию Борода носил только их друг – безбородый. Все эти волосатые личности гамузом поступили работать в пожарную часть, но Брайана это совершенно не волновало. Огорчало другое – жить было негде. Свои вещи, кстати, Мэй все-таки нашел. Изрядно попорченные ветром и дождем, они валялись в мусорной куче за его

бывшим домом.

И стал Мэй думать. Подумав, он решил купить еще один дом – на его счету еще лежало несколько десятков фунтов. Купля-продажа прошла на удивление легко – агент по недвижимости, пряча глаза, вручил ему ключи в обмен на пять фунтов. Брайан заподозрил подвох и потребовал досье на бывшего владельца дома. Но и фамилия его Мэю ни о чем не сказала – Самнер.

– Какой-то Самнер, – ворчал Брайан, везя в тележке все свое добро в новый дом. – Черт его знает, кто это такой.. Вот если бы Бульсамнер – тогда понятно.. Все они такие, персидское племя.. Жжечь бы его – да и дело с концом! Жжечь!

С такими вот контрреволюционными мыслями Брайан и зашел в дом. С порога он сразу закричал:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

– ...кто-нибудь, – отозвалось эхо.

– Значит, нету, – и Брайан стал распаковываться.

– Кого-нибудь нету, – сказал вдруг чей-то голос. – Я есть.

А ты-то сам кто?

– Ну, как, – Брайан растерялся. – Я это.

– Кто «я»? – сварливо осведомился неизвестный.

– Я, Брайан, – ответил Мэй. – Друг Фредди.

– Друг Фредди?!!

В воздухе явно запахло недобрым и серой. Что-то с протяжным жужжанием вылетело из окна.

– А ты его не позовешь? – опасно спросил кто-то. –

А то – ого!

– Ого? – с презрением сказал Мэй. – Ого-го! И еще больше!

– Мы его боимся, – доверительно сказал новый хриплый голос. – И не сладим.

– Да! – с гордостью за своего неуязвимого друга крикнул Брайан. – И никогда и ни за что! С ним даже Бука не сладит. И Кощей.

– Насчет Кощей не знаю. – прохрипел голос. – А вот Бука – это я.

– По пачпорту? – изумился Мэй.

– По тарифу! – огрызнулся хрип. – А может, и слажу. Как выскочну, как выпрыгну из шкафчика – и голову откусю.

– Видел бы ты его шкафы! – мечтательно сказал Брайан.

– А что? – подозрительно спросил Бука. – Много я их видал. Что они у него – китайские?

– Японские! – похвастался гитарист-новосел. – А чулан – корейский!

– У-у-у! – зашумело невидимое общество.

– А по мне – хоть австралийский! – разошелся хрипатый Бука. – Всех съем!

– Не советую, – холодно произнес Мэй. – Вам же хуже будет.

– А мы что, мы ничего, – испуганно отозвался первый голос. – Это все он начал про шкафы. Это его конек.

– Это его ослек, – разозлился Брайан. – Хочет идти

к Фредди – пусть идет.

– Я просто так сказал, – ретировался хрипатый. – Я – специалист по детям. У Фредди ведь дети есть?

– Нету, – развел руками Мэй. – У него кошки есть. Любишь кошек?

– Всех перережу! – сорвался на визг домовой. – Всем кровь пушу!

– Дю! – крикнул первый голос. – Фаринелли!

– Чо?!!

Раздался звук затрешины, потом полетели стулья и, в общем, началось такое буйство духов, что в комнате поднялся настоящий ураган.

– Ди-и-икий ветер!!! Хей, хей, хей, хей!

Это, как вы уже поняли, в комнату вошел Фредди, разудалым голосом крича новую песню.

Шум упал, а дым сгустился. Фредди замолчал, почувствовав на себе множество взглядов, смутился и заковырял пол носком ботинка.

– Не пакости мой паркет! – возмутился Брайан.

– Так это твой паркет?

Фредди тут же отодрал несколько паркетин и, сложив из них шалашик, поджег. Затем он сварил суп и съел его. Суп из спаржи. Все это проистекало под многозначительное молчание.

– Это и есть ОН? – спросил, наконец, тонкий голос.

– Да, – самодовольно сказал Фредди. – Это он. А ты-

то кто?

– Это мой паркет... – растерянно начал Мэй.

Фредди замахал на него ложкой.

– Подожди, – сказал он твердо. – Дай с нечтом разобраться.

– Я – призрак оперы! – представился голос и, судя по всему, присел.

– Ночь в опере? – уточнил Фредди. – Помню. Бывал.

– И я бывал, – подключился хрипатый. – И в опере, и в полисмене. Даже в сапожнике бывал. В их шкафов. Точнее, в иф шкохав. Тьф.

– А я вас помню, – проснулся Фредди. – Ты – Бука? Знаю. Читал. Ну, выходи, Бука. Посмотрим на твои бучачьи уши!

Послышалось шебуршание, лязг, истерический шепот: «Не сметь! Не сметь, рожа волосатая!», и из шкафа, кряхтя, выбрался.. медведь. За ним, красный от смущения, выбрался Стинг. Фредди с Брайаном молча смотрели на это безобразие.

– Так это ты – Самнер? – задыхаясь от возмущения, вспомнил настоящую фамилию Стинга Мэй. Стинг кивнул и тяжело задышал, всем своим нелепым видом требуя пощады.

– Так это ты, значит, Самнер, – повторил Брайан, медленно приближаясь к нему. – Ну сейчас мы из тебя будем делать Микки Мауса.

С этими словами он схватил с полки бюстик великого

Лонгфелло и треснул им несчастного Самнера с такой силой, что от поэта осталась только борода и кусочек уха. Сам же Стинг, впрочем, пострадал меньше. Он подхватил медведя под лапу и позорно сбежал, прикрывая наиболее уязвимые места, по которым их лупил логарифмической линейкой гнавшийся за ними Фредди. А Брайан, злой и недовольный, решил отметить первую ночь новоселья здоровым и крепким сном. И так хлопнулся на диван, что весь дом заскрипел, затрещал и сложился вовнутрь, придавив стенами безмятежно спящего новосела...

/ – картинка №7 – / ЭДИОТ, ЭДДИ или ЭЛТОН? /

Однажды ночью на Фредди напало обжорство. Напало тихо, без предупреждения и объявления войны. Фредди проворочался полночи без сна, свез простынь и покрывашку, но обжорство не уходило, а лишь азартно топало ногами и жало желудок.

– Как будто другого времени не было, – ворчал Фредди шепотом, чтобы не разбудить Джима, с которым потихоньку жил. – Убирайся, кружка Эсмарха! Вон отсюда, скотина! Уходи!

Но обжорство не желало уходить. Оно так и заявило:

– БББRRРЛЬККК!!!

– Фред, это ты? – проснулся Джим. – Проголодался, беденький! Иди поешь, чего найдешь там, – и он, махнув ногой в сторону кухни, опять задрях.

Фредди нехотя встал и поплелся на кухню, где, к своему глубочайшему удивлению, застал Роджера. Тейлор сидел за столом, читал «Таймс» и машинально пил молоко.

– Понятно, – сказал Фредди. – Пьешь?

После чего открыл холодильник, сел на пол и принялся опустошать агрегат, как будто не ел целую неделю (по правде, он не ел три дня, но ведь это мелочи, не так ли?). В порыве ликующе отплясывающего обжорства он смолотил индейку,

миску салата «оливье», 34 абрикоса, полкило икры, 9 котлет, мороженую мойву, 5 вареных раков, гроздь бананов, 9 сырых сосисок и один желтый платок, по ошибке принятый за кусок сыра «пармезан». Платков, кстати, в холодильнике было предостаточно. Как и во всем доме. А все потому, что мама Фредди, несмотря на запрет папы (про него мы расскажем чуть позже), поддерживала отношения с Фредди, тайком писала ему письма и слала посылками дюжины носовых платков, так как по рассказам господина Дюма-отца знала, что в Лондоне сыро. Поэтому Фредди просто утопал в платках: платки были и в шкафах, и в ящиках стола, и весь пол толстым слоем, как ковром, был устлан платками. Так что не нужно больше удивляться.

А мы вам все равно еще кое-что расскажем. Сначала Фредди, получая бандероль, распечатывал ее и долго лил ностальгические слезы над каждым платочком, но потом привык, плакать перестал, а стал бандероли просто выкидывать. Даже не распечатывая. И вот однажды мама прислала Фредди ко дню рождения полную посылку денег, заработанных на продаже цветов в аэропорту Хитроу, возле которого они с папой и жили, и приложила к ним персонально от себя подарок – книгу «Катера и дрожжи: часть вторая». Фредди по привычке выбросил бандероль в мусорный бак за окошком, а сам сел в кресло и принялся читать свою любимую книгу – «Катера и дрожжи: часть первая».

На ту беду Элтон Джон близехонько бежал, и, как он впо-

следствии оправдывался, ему «просто приспичило покопаться в мусорном баке»! Чем он и не замедлил заняться, нырнув в бак с головой. Фредди, привлеченный шумом, высунулся в окно, но увидел лишь торчащие из ящика чьи-то ноги в башмаках сорок пятого размера. Фредди пожал плечами и вернулся к чтению главы – вот совпадение! – сорок пятой: «Катера и с чем их едят». А Элтон, вынырнув из ящика и выудив бандероль, благополучно скрылся с места преступления...

Утро следующего дня для Фредди началось довольно интригующе – в его дверь позвонили. Хотя в Кенсингтоне всем было известно, что Фредди – «сова» и обожает поспать подольше, видимо, таинственному утреннему посетителю на это было начхать. Фредди, бормоча проклятия и ужасные обещания, открыл. К его огорчению и обозлению, букета красных роз на пороге не было. Зато на земле лежала книга «Катера и дрожжи: часть вторая»! Поверх ее лежала записка: «Дарагой Фреди! Спасибо за книгу но она мне не патходит по маралным саобржениям. Доброму хрестеонину не должно четать таии книги! Пакайся, иначи тебя ждут семь казней игипетских и гиена огненная! С наилутшими пажеланиеми – ЭД».

Фредди страшно удивился такой отповеди в шесть утра, да еще с какими-то грязными намеками и настойчивыми просьбами пакаться, но отнес книгу в дом и принялся тщательно изучать. Где-то в дальнем углу он нашел робкую

надпись знакомым маминым почерком: «Др. сын! Посылаю с оказией книгу и 150 фунтов от меня. Десять – от Кашмиры. Расти веселым, красивым и не пей сырой воды. Твоя мама».

Фредди перетряхнул все страницы, долго копался в кошельке, но денег так и не нашел. Тогда он сопоставил некоторые аргументы с фактами, перечел записку и бросился карать нахала. На полдороге он сбавил галоп и стал рассуждать:

– А куда я бегу? И зачем я бегу? Ах, да – бить морду. А кому? Чьи это ноги торчали из бачка? Ах, да – там были инициалы! ЭД! Кто же этот ЭД? Откуда бы такой ЭД? Может, это Эдди? Но у меня нет знакомых Эддов. Кто же тада???

Фредди развернулся и, повинувшись наитию, побежал к Дикону. А Джон в это время укладывал спать своего младшего после утренней кормежки. Фредди налетел бесшумно, как филин, метя головой прямо Дикону в пузо.

– Да как же?! – получив, засипел несчастный папа.

– Где деньги? – засипел в ответ Фредди.

– Какие деньги? – шептал Джон, с опаской поглядывая на коляску.

– Обычные, – удивился его тупости Фредди. – Мои. Чьи же еще?

– Тише! – шелестел Джон. – Он спит!

– Которые ты у меня украл, – громко сказал Фредди.

– Пирцзхгл! – проскрипел Джон, раскачивая коляску, из которой уже слышалось хныканье.

– Украл, украл, – еще громче сказал Фредди. – Под-

лый вор.

Джон так замахал коляской, что малыш в целях безопасности стал привязываться пеленкой к ручке.

– Это не я, – одними губами ответил Джон.

– Унес, – куковал Фредди.

Коляска заходила ходуном, как при землетрясении.

– Почему я?! – вышел из себя Джон.

Фредди показал ему записку.

– Инициалы-то! – как глухому, втолковывал ему на ухо Фред. – Твои ведь? Да? И почерк твой, – приврал он для вескости.

– Положим, – сказал Джон, изучая записку, – почерк не мой. К тому же, у меня инициалы – Д.Р.Д., а тут – Э.Д.

Он вчитался как следует, и его глаза заволокло.

– Сто пийсят плюс десять – будет сто шийсят!!!

Волосы на голове Джона зашевелились. Фредди быстро вырвал из его трясущихся лап записку и стал медленно отходить к забору.

– СТО ШЕСТЬДЕСЯТ, – хрипел Джон, наступая на Фредди. – СТО ШЕСТЬДЕСЯТ МАТЬ ИХ ЗА НОГУ ФУНТОВ!!!

– Не дам! – пищал Фредди, видя, что на Дикона опять напала золотая лихорадка. – Нет! Они мои! И вообще – у меня их нет!

– ФУНТЫ! – рычал Джон. – МНЕ! Э.Д....

И он, вытянув руки, как лунатик, и напрочь забыв о младенце, куда-то пошел. Фредди из чувства долга немного по-

обзывался в адрес Шерри, потом, спрятавшись за угол, дождался выскакивания оной из дома и забирая дитенка, усмехнулся в усы и погнался за Джоном.

Застал он безумца возле особняка Элтона Джона. Дикон топтался возле порога и бубнил:

– Э. Д. Веселые фунты. Э.Д.

– Я сразу понял, что это ты, грязный плут! – возликовал Фредди.

– Э.Д. – бормотал Джон.

– Эдиот Дикон? – почесал в затылке Фредди, мысленно перебирая остальные слова, начинающиеся на «Э».

Слова были такими заковырыстыми и нехорошими, что и боцман бы заплодировал, если бы Фредди был сейчас матросом. Но Фредди не был матросом. Он был простым искателем потерянного ковчега стоимостью в 160 фунтов 00 пенсов. И тут его бесцельно блуждающий взгляд уперся в мраморную табличку над дверью: «Э. Джон, эсквайр. Не беспокоить по пустякам вроде возвращения 160 фунтов – их вам все равно не вернут!».

– Каррамба!!! – завопил Фредди.

Все окрестные быки ответили ему дружным ревом.

– Так я же ж тебе же ж! – прожужжал ему Дикон, и они принялись дружно барабанить в дверь. По-видимому, никого дома не было. Фредди в порыве щедрости пожаловал другу фунт (отчасти и из-за того, что друг по розыску клада потребует себе законные 25 процентов). Безмерно счастливый

Джон ушел домой навстречу головоймойке за брошенного сына.

А Фредди тоже пошел домой, будучи уверенным, что теперь-то Элтон от него никуда не денется. И буквально возле дома он столкнулся, как вы думаете, с кем? Ну конечно, не с дядей Вовой Бусыревым, так как тот в далеком Майкопе только что получил новую партию настенных полок, которые были единственным утешением в его жизни, и теперь любовно их оглаживал. А столкнулся Фредди с Элтоном Джоном, который тут же сделал вид, будто видит Фредди впервые в жизни.

– Ну, кабыздох... – угрожающе начал Фредди.

– С кем имею?... – надменно изрек Элтон.

– Ах ты, щегол! – рассердился Фредди. – Не узнаешь?

– Узнаю, – голос Элтона был сух, как пустыня Гоби.

– Так чего не здороваешься, петух? – Фредди был положительно зол.

– Ха! – Элтон был положительно нагл. – Разве должно человеку, в шляпе коего лежит целых сто шестьдесят фунтов, здороваться с какой-то пьяной жужелицей? К тому же, – добавил он, – кажется, не очень чистой...

Тут он понял, что проболтался. Фредди это понял еще раньше, потому что уже держал его за шкварник.

– Отдавай деньжищи, мул! – кротко сказал Фред. – И поживее, бадья без ручки.

– Элтон Джон, – напыщенно заявил висящий Элтон, – ни-

когда не брал чужих денег. И не прятал их в шляпу, – и он схватился за свое сомбреро, распухшее до невероятных размеров.

Будь у Фредди хвост, он уже хлестал бы им по бокам, или же по щекам обманщика.

– Дай шляпу, – нежно сказал Фредди, протягивая лапку.

– Элтон Джон... – начал опять Элтон.

– ...сейчас же даст мне свою шляпу, черт раздери! – заревел Фредди, сворачивая другую лапу во внушительный кулак. Элтон Джон, похныкивая, снял шляпу и протянул ее Фредди. Тот радостно схватил сомбреро, засунул в него руку по локоть и вытащил на свет божий... несколько километров его же носовых платков, аккуратно связанных за уголки, искусственный букет роз, шпагу, трех голубей, связанных за ноги, жареную курицу, пилу, воздушный шар...

К месту действия стали стягиваться зрители. Элтон Джон и Фил Коллинз стали выдавать из своих лавочек скамейки и стулья – свободно, за пяточок. В первом ряду сели Джон, Роджер, Дэйв Кларк, Кенни Эверетт, Дэвид Боуи, Мэри Остин и Брайан, оживленно шепчущийся о чем-то с сидящим сзади Митом Лоуфом...

Тем временем Фредди, изрядно вспотевший, продолжал творить чудеса. На земле уже лежали восемь банок «Пепси», ключ, хвост семги, кусок крестьянского масла, кисточка и фуганок. Казалось, что Фредди сейчас вынет оттуда Стинга с его медведем, но из сомбреро был выужен обыкновенный

кролик. Кролик раскланялся и захрустел морковкой. Был он тощ, длиннонос, лыс и с отчаянно грустными карими глазами.

– Э, – толкнул Брайана в плечо Лоуф. – Разве это не ты?

– Я, – кивнул Мэй и нацепил треснутое пенсне, чтобы лучше видеть (отчего стал выглядеть еще гаже и отвратительнее). Фредди же, потный, но довольный, нашарил-таки на дне шляпы свои фунты, сунул их в карман, запихал весь хлам обратно в шляпу, нахлобучил ее на голову Элто-ну и ушел домой. Вместе с кроликом, естественно. А вы что подумали?

/ – картинка №8 – / ФОТО ТАК ФОТО, или КРАСИТЬ ЗАЧЕМ? /

Однажды ситуайену Джону Дикону захотелось славы – чтобы все знали, что он играет в группе «Куин». Всех его согруппников на улицах узнавали, мимо же Джона проходили, как мимо трухлявого пня. Джон разобиделся и обратился за помощью к Фредди, но понимания поначалу не встретил.

– Зачем тебе слава? – спрашивал его с усмешкой Фредди. – Что ты с ней будешь делать?

– Ну, все-таки... – тушевался Джон. – Надо.

– Ты же пудл, – смеялся Фредди. – Пудлик. Пудлице.

Роджер подкрепил слова действием. Он подбежал и укусил Джона за живот два раза. Дикон заплакал, отполз в угол и стал говорить в адрес друзей нехорошие слова. Фредди зашвистал «Янки Пудл», а Брайан знай посмеивался. Такого милого и обходительного человека прямо поискать.

Наконец Фредди сжалился. Он сбегал на рынок и принес оттуда банку желтой краски.

– Давай я тебе напишу на куртке, что ты свой, – предложил он.

Джон – на свою беду – с радостью согласился.

...Фредди, высунув язык от напряжения, выводил надпись «Queen» на куртке Джона, а тот, в свою очередь, ревностно следил, чтобы Фредди, не дай Бог, не ляпнул краской

на его новые джинсы.

– Вот и готово, – с удовлетворением сказал Фредди, вставая. – В лучшем виде – раз – и... – и он все же перевернул всю банку с краской на Джоновы штаны.

Дикон захотел безобразного скандала, но тут пришел фотограф и всех заснял на обложку новой пластинки «Лучшие песни». К счастью, покрашенные штаны в объектив не попали, а не то, глядя на обложку пластинки, люди бы думали, что квины уволили басиста и взяли на его место бездомного маляра...

...А может, и не думали бы. Потому что Джона, когда он вышел на улицу после съемки, немедленно узнали. И сняли с него куртку. Да и штанами не побрезговали. Вот и все.

/ – картинка №9 – / ГОРЕПЛАВАТЕЛИ, или МАШИНЕРИЯ /

Однажды Фредди форменным образом разорился, чтобы купить машину. Он обошел ее ровно семь раз, любовно поплевал на шину, протер ее батистовым платочком, затем сел за руль и радостно сказал:

– С первым рейсом, капитан Фред! Как говорится, семь фунтов на кило!

Вдруг дверца напротив хлопнула, и Фредди, удивленно повернувшись, уставился прямо в широко раскрытый в ухмылке рот Мэя. Шевелящийся красный язык одного привел Фредди в отвратительное настроение. Счастливый автомобилист оглянулся на заднее сиденье и узрел картину ничуть не приятнее – там вразвалку сидели Джон и Роджер и жевали воздушную кукурузу.

– Почему я вас вижу? – задал вопрос Фредди.

– Потому что у тебя есть глаза, – любезно пояснили ему.

– Вы чего это? – продолжил допрос новоиспеченный водитель. – На халяву?

По крыше что-то весело забарабанило. Фредди выглянул из окна и увидел скачущего впрысядку Элтона Джона.

– Гоп! Гоп! Новый «Мерседес»! – отплясывал Элтон.

Фредди мягко взяли за плечо и развернули.

– Если ты капитан, – сказал Брайан, – то я – штурман. Без штурмана плохо. И нельзя.

– Тогда я – радист, – заявил Джон, включая радио и крутя ручку настройки.

– А я – кок, – прохрипел Роджер, помахивая половником.

– А я буду – корабельная крыса, – сообщил Элтон, заглядывая сверху через лобовое стекло.

– Кстати! – заключил взявшийся неизвестно откуда Дэвид Боуи. – Лучшего рулевого, чем я, вам не сыскать!

И Фредди был элегантно выпровожден из собственной машины. Потирая зад, он сидел и глядел, как вся компания, хохоча, укатила вдаль.

– Не дело сидеть, – сказал сам себе Фредди и, вскочив, бросился в погоню. Пробежав восемь кварталов, он узрел стоящий возле киоска самокат. Фредди взревел от счастья, вскочил на него и продолжил погоню.

Тем временем дружбаны, обмениваясь впечатлениями, ехали по окраине Лондона.

– Стойте! – услышали они вдруг трубный зов. – Остановитесь! Подлые воры!

С криком: «Крысы бегут первыми!» Элтон скатился с крыши и был таков. Остальные пригорюнились, тем более, что из-за угла появился Фредди на самокате со злобной радостью в глазах.

– Хо-хо! – рычал Фредди, подсакивая и давая шпоры са-

мокату. – Вон они! Держи-хватай! А! А! На таран! Эгей!

На полном ходу самокат влупился прямо в «мерседес». Раздался такой грохот, какой был лишь однажды ночью, когда пьяный Джордж Харрисон, возвращаясь домой из «Шинка», ударился головой об колонну Нельсона...

Наконец из-под обломков выкарабкался Фредди, грозно сказал:

– Без машины не появляться, шорьки – СОЖРУ!

После чего сел на невредимый самокат и умотал.

– Во крыса! – сердито заявил Боуи из-под бензобака. – Первым сбежал!

– А что сразу «крыса»? – обиженно кричал Элтон. – Что «крыса»? Крыса тут вообще случайно, на крыше сидела, читала, мечтала и ела пюре...

На него никто внимания не обращал, все, бормоча проклятия, отряхивались от пыли и ошметков бывшей машины. А затем пошли по родным и знакомым занимать деньги, Элтона же послали покупать новую машину, а потом пригнали ее, новенькую и сияющую, к дому Фредди...

...Который и разбил ее на следующий день.

/ – картинка №10 – / ПЕРВЫЙ БЛИН, или КОМОЧЕК /

Однажды Фредди в первый (и в последний) раз в своей жизни написал пьесу и назвал ее «Смех на лунном поле, или Волки выли в полночь». Первую же читку он поручил Брайану – своему злейшему другу. Подобно Фредди, возомнившему себя великим драматургом, Брайан возомнил себя великим критиком и раздолбал пьесу в пух и прах.

– Ну что же это за чушь? – вещал Брайан, расхаживая по комнате, сунув руки в карманы. – Малдун ты ходячий, а не пьесопис. Ну кто может смеяться на лунном поле?

– Привидений! – мрачно прогудел Фредди. – Это пьеса об одном ужасном и страшном привидении!

Он завернулся в простыню и попытался для наглядности пройти сквозь стену. Но, судя по крикам «Мама!» и «Помогите!» из-под простыни, либо у страшного привидения было трудное детство, либо оно пробовало на себе кирпичную кладку фирмы «Пеликан» (противоположность которой – надувной матрац той же фирмы, которого хватает ровно на отплыть от берега).

Критикан Брайан издевательски стонал и вздыхал, намекая, что из Фредди привидение, как из дедушки Джорджа Харрисона – овечий пастух. Фредди не выдержал, стянул с шишковатой головы простыню, разорвал свою пьесу на сто

сорок четыре маленьких акта и заставил Брайана их съесть. Мэй обиделся и, заглотив последние кусочки, выкинул друга в окно.

– Я – Гастелло! – закричал Фредди.

И врезался в толстый живот Элвиса Костелло, который надавал ему тумаков. После экзекуции Фредди обиженно сказал:

– Точно, Костелло!

За что заработал еще один – крепкий и сочный – подзатыльник.

/ – картинка №11 – / ПЛЕШЬ, или ПИТЬ НАДО КАК МОЖНО МЕНЬШЕ! /

Однажды Брайан все же проснулся после обильных возлияний и пошел умыться и попить водички из-под крана. Но вместо зеркала он с похмелью погляделся в портрет Уинстона Черчилля, вырезанный из популярной газеты «Юный капиталист Приуэльсья» и висящий на стене рядом с зеркалом. Несчастный Мэй удивился, ужаснулся и заголосил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.